

Е Тан появлялся перед Хань Цзинем только в те моменты, когда это было необходимо, всё остальное время он проводил во дворце Яньцин, читая книги и пия чай, наслаждаясь свободой.

Пока однажды вечером не пришёл Хань Цзинь.

Он пришёл, когда Е Тан уже собирался ложиться спать.

— Наставник, как удобно ты устроился, — Хань Цзинь схватил Е Тана с кровати и швырнул его внутрь.

Е Тан молча сжал губы, поправил поясицу, которую ударил, и уступил место Хань Цзиню.

Хань Цзинь сразу же лёг рядом с Е Таном:

— Помассируй мне голову, болит.

Услышав это, Е Тан, хотя уже был сонным, всё же поднялся, встал на колени на кровати, положил голову Хань Цзиня себе на колени и начал мягко массировать его голову, нажимая на точки.

Под умелыми руками Е Тана нахмуренные брови Хань Цзиня наконец расслабились.

— Знаешь, что сегодня произошло в столице? — Хань Цзинь медленно открыл глаза, глядя на Е Тана.

Е Тан посмотрел на него и слегка покачал головой.

Хань Цзинь почувствовал раздражение и взял веер Е Тана, чтобы поиграть с ним.

— Сегодня старшая дочь канцлера раздавала милостыню на улицах столицы, угощала детей сладостями. Теперь весь город говорит, что старшая дочь канцлера талантлива и добродетельна, — Хань Цзинь резко раскрыл веер Е Тана, его тон был не очень приятным.

Е Тан посмотрел на свой веер, затем спокойно произнёс:

— Что-то не так?

— Изначально ничего, но у канцлера слишком большие амбиции. Она повсюду заявляет, что влюблена в императора и хочет войти в его гарем. Теперь весь город об этом говорит.

Е Тан молча слушал слова Хань Цзиня, уже поняв их смысл.

В этот момент, если Хань Цзинь всё ещё не захочет взять дочь канцлера в гарем, народ посчитает его бесчувственным. А сейчас, когда все чиновники требуют назначить императрицу, канцлер устроил это представление, чтобы вынудить Хань Цзиня сделать свою дочь императрицей.

Ведь они завоевали народную поддержку, и это было ключевым.

В этот момент Хань Цзинь поднял взгляд на Е Тана, его глаза потемнели:

— Наставник, что ты думаешь об этом?

— Старшая дочь канцлера красива и благородна. Назначить её императрицей — это способ

укрепить власть канцлера. Почему бы и нет? — Е Тан сжал губы, сказав правду.

На мгновение воцарилась мёртвая тишина.

Хань Цзинь молча смотрел на Е Тана, его глаза постепенно наполнялись гневом.

Спустя некоторое время Хань Цзинь резко поднялся с колен Е Тана, схватил его за запястье и притянул к себе:

— Ты действительно так думаешь?!

— Я просто говорю правду. Это действительно выгодно для Вашего Величества, — Е Тан спокойно произнёс.

Хань Цзинь сжал запястье Е Тана ещё сильнее, его гнев, казалось, усилился.

— Я не хочу этого решения. Придумай мне способ решить эту проблему, чтобы эти ничтожества больше не требовали от меня жениться, — Хань Цзинь резко приказал.

Е Тан слабо усмехнулся:

— Ваше Величество, вы ставите меня в трудное положение.

Услышав это, Хань Цзинь лишь презрительно усмехнулся.

— Хорошо, если Наставник не может придумать, тогда иди и встань на колени, думай, пока не найдёшь решение. Если не сможешь, проводи так всю ночь, — холодно сказал Хань Цзинь.

С этими словами он толкнул Е Тана.

Е Тан поднял взгляд на него, лишь сказав:

— Да, — и встал на колени на холодный пол у кровати.

Хань Цзинь наблюдал за действиями Е Тана, его гнев не утихал, а лишь усиливался.

Итак, Хань Цзинь просто лёг на кровать, а Е Тан остался на коленях, и так они стояли друг против друга.

Хотя у Е Тана было решение, он не хотел его говорить. Он хотел, чтобы он женился...

Хотел, чтобы он женился.

Хань Цзинь не хотел признавать этот факт, но эта мысль снова и снова крутилась в его голове, не давая покоя.

Хань Цзинь крепко закрыл глаза, не желая думать об этом, но сцена, где Е Тан равнодушно произнёс эти слова, снова всплыла в его памяти.

В конце концов, Хань Цзинь резко поднялся с кровати, в ярости схватил веер Е Тана и швырнул его в него, крича:

— Е Линшуан! Ты веришь, что я сейчас же убью тебя на этой кровати!

Е Тан стоял на коленях, глядя на свой веер, который безвинно упал на пол, слегка приоткрыл

губы, но ничего не сказал.

Хань Цзинь просто смотрел на Е Тана, спустя некоторое время снова лёг на кровать, холодно сказав:

— Меня просто раздражает твой вид.

Услышав это, уголки губ Е Тана дёрнулись:

— Ваше Величество...

Хань Цзинь не обратил на него внимания, закрыл глаза и притворился спящим.

Так они простояли друг против друга, время шло, и незаметно наступила глубокая ночь.

Но Хань Цзинь был бодр, ни капли сна.

— Наставник, ты ещё не придумал? — Хань Цзинь смотрел вперёд, спокойно сказал.

Е Тан стоял на коленях уже долгое время, не двигаясь.

Услышав слова Хань Цзиня, ресницы Е Тана слегка дрогнули, он медленно поднял взгляд:

— Ваше Величество, сейчас нет более выгодного решения, чем назначить дочь канцлера императрицей.

Увидев, что Е Тан всё ещё придерживается этого мнения, гнев Хань Цзиня усилился.

Он сделал такую глупость, думая, что если назначит императрицу, Е Тан проявит эмоции.

— Иди спать, — Хань Цзинь подавил гнев, сказав Е Тану.

Е Тан слегка опустил глаза, почтительно ответил:

— Да, — и снова лёг рядом с Хань Цзинем.

— В любом случае, это дело поручается тебе. Это приказ, ты должен выполнить его, — Хань Цзинь холодно сказал, его тон не допускал возражений.

Движения Е Тана слегка замерли.

— Ты знаешь, какой результат я хочу, — Хань Цзинь пристально посмотрел на Е Тана, его взгляд был как лезвие, а голос полон угрозы.

Е Тан слегка сжал губы, спокойно ответил:

— Да, я понял.

Хань Цзинь пристально смотрел на Е Тана, крепко сжав кулаки.

Он бы предпочёл, чтобы у Е Тана действительно не было решения, но реальность нанесла ему кровавый удар.

Даже стоя на коленях, он всё равно хочет, чтобы он назначил дочь канцлера императрицей?

Лучше бы он сразу приказал Е Тану.

На следующий день Е Тан попросил Хань Цзиня издать указ о назначении старшей дочери канцлера императрицей.

Хань Цзинь знал, что у Е Тана есть свои идеи, поэтому не стал спрашивать и издал указ, как тот сказал.

Меньше чем за час весь город узнал об этом, а резиденция канцлера была заполнена посетителями.

А в это время Е Тан лежал на кровати в покоях Хань Цзиня, подвергаясь его издевательствам.

В процессе Хань Цзинь принимал различные позы с Е Таном.

— Если что-то пойдёт не так, я не пощажу тебя, понимаешь? — сквозь зубы произнёс Хань Цзинь, глядя на Е Тана.

Волосы Е Тана были растрёпаны, его глаза затуманились, дыхание сбилось, но он всё же слегка кивнул:

— Я понимаю, Ваше Величество, не беспокойтесь.

Хотя Е Тан уже сказал это, Хань Цзинь не собирался его отпускать, его движения становились всё жёстче.

Даже если дочь канцлера не станет его императрицей, мысль о том, что указ был написан по просьбе Е Тана, вызвала в его груди нестерпимый гнев.

Особенно когда Е Тан смотрел, как он пишет, без малейшего волнения.

Как будто... ему было всё равно.

— Сердце Наставника действительно каменное, — Хань Цзинь становился всё жёстче, сквозь зубы произнёс.

Услышав это, Е Тан поднял свои слегка приподнятые глаза, тяжело дыша, усмехнулся:

— Не сравнится с Вашим Величеством.

Хань Цзинь посмотрел на Е Тана, стиснул зубы и приложил огромные усилия, словно хотел впитать этого человека в свою плоть.

В конце концов, Е Тан был вынужден подчиниться Хань Цзиню несколько раз, его волосы на лбу промокли от пота, прилипнув к вискам.

Когда Е Тан подумал, что наконец может отдохнуть, Хань Цзинь вдруг протянул ему нефритовый флакон.

— Наставник, посмотри, что внутри, — с улыбкой произнёс Хань Цзинь.